

Дара Вейн

«Огонь на болоте»

Дара Вейн
«Огонь на болоте»

«Автор»

2026

Вейн Д.

«Огонь на болоте» / Д. Вейн — «Автор», 2026

В фанфике раскрывается трагический конфликт Петра I и его сына царевича Алексея — столкновение двух миров: реформаторской воли отца и тяги сына к традиционному укладу. Важную роль играет Евдокия Лопухина: из Суздальского монастыря она поддерживает сына письмами, укрепляя в нём приверженность «старой Руси». Возвращение Алексея в Россию обостряет противоречия: вокруг царевича спланиваются противники петровских преобразований, следствие выявляет заговор, и конфликт, изначально личный, становится угрозой государству. История показывает, как семейная драма переплетается с судьбой страны, а непримиримость двух мировоззрений приводит к необратимой трагедии.

© Вейн Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

«Огонь на болоте»	5
«Царь и тень»	7
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Дара Вейн «Огонь на болоте»

«Огонь на болоте»

Ветер гнал по Неве ледяную крошку, и Пётр, стоя на низком берегу, шурился от резкого ветра. В пальцах он сжимал обрывок чертежа, уже промокшего и потемневшего по краям. Вокруг шумели плотники, кричали десятники, скрипели тачки, гружённые камнем, — и этот шум был ему дороже любой тишины.

— Не так кладёте! — рявкнул он, шагнув к стене, которую только начали поднимать. — Камень должен лечь ровно, как кирпич в печи. Иначе вода съест всё за год.

Плотник, седой, с лицом, изрезанным морщинами, будто бороздами, поклонился, но в глазах мелькнуло упрямое сомнение:

— Государь, тут болото. Тут не держится ничего. Мы уж пробовали...

Пётр прищурился. Он помнил эти места ещё с прошлого лета: топкие, злые, с комарами, гудящими, как пчелиный рой. Но он также помнил, как впервые увидел карту, где Балтийское море лежало совсем рядом, будто протяни руку — и коснёшься. Россия должна была дотянуться до него. Не через леса и снега, а через гавани, корабли, порты.

— Держится, если делать с умом, — отрезал Пётр. — И если не жалеть рук.

К нему подошёл Александр Меншиков, в новом камзоле, но с тем же живым, беспокойным взглядом, каким он смотрел ещё в те дни, когда продавал пироги на улицах Москвы.

— Ваше величество, голландцы говорят, сваи надо бить глубже. До твёрдого слоя. А он тут... — Меншиков махнул рукой, — где-то внизу. Может, в саженях десяти.

— Значит, будем бить, — спокойно сказал Пётр. — Пока не дойдём.

Он сам взял молот, тяжёлый, неудобный, и ударил по первой свае. Удар отозвался в плечах, в груди, в пальцах. Ещё один. И ещё. Вокруг на мгновение стихли голоса. Потом кто-то подхватил ритм, ударил рядом. Ещё один голос крикнул: «Давай, братцы!» — и снова поднялся шум, но теперь в нём было что-то новое: не просто работа, а вызов.

Вечером, когда солнце село, оставив на небе тонкую полоску багрового света, Пётр сидел у костра, грея ладони над огнём. К нему подсел Франц Лефорт, старый друг и наставник, человек, который первым показал ему, как устроены европейские корабли и как живут города у моря.

— Ты строишь не просто город, — тихо сказал Лефорт. — Ты строишь будущее. И оно будет холодным.

Пётр хмыкнул:

— Будущее всегда холодное. Пока его не согреешь делом.

Лефорт посмотрел на него с лёгкой грустью:

— Ты не щадишь ни себя, ни других. А люди устают.

— А если щадить, то шведы придут и всё сожгут, — резко ответил Пётр, но тут же смягчился. — Прости, Франц. Ты прав. Но у нас нет времени на мягкость.

Он помолчал, глядя на искры, взлетающие в темноту.

— Помнишь, как мы с тобой сидели в Немецкой слободе, и ты рассказывал про Амстердам? Про каналы, про верфи, про то, как корабли стоят у самых домов? Я тогда слушал и думал: «Вот бы у нас так». А теперь... теперь я вижу, что можно. Даже здесь, на болоте. Даже ценой крови и пота.

Лефорт положил руку ему на плечо:

— Ты сможешь. Но помни: царь — не только молот. Иногда он должен быть и щитом.

Пётр кивнул, не обещая ничего, но в груди что-то шевельнулось — не сомнение, а понимание: власть — это не только приказы, это ещё и ответственность за тех, кто их исполняет.

На следующий день пришёл гонец. Вести были тяжёлые: шведы усилили гарнизоны, флот их стоял у берегов, готовый к удару. Пётр слушал, не перебивая, а когда гонец закончил, молча развернул карту и провёл пальцем по линии побережья.

— Они думают, что мы будем ждать, — пробормотал он. — А мы не будем.

Он поднял голову и оглядел стройку: стены росли медленно, но росли; сваи уходили в землю; люди, несмотря на усталость, работали.

— Пусть будет крепость, — решил он. — Пусть будет порт. И пусть шведы знают: Россия пришла к морю. Навсегда.

«Царь и тень»

Пётр стоял у окна в своём скромном домике на Городовом острове, и пальцы его невольно сжимались в кулак. За стеклом тянулся сырой рассвет, туман стелился над Невой, будто прятал от глаз всё, что ещё не стало городом. В комнате пахло смолой, мокрым деревом и дымом — привычный запах стройки, ставший почти родным. Но сегодня он не грел.

На столе лежало письмо. Не запечатанное — Пётр не стал тратить время на восковые печати. Строчки были выведены твёрдой, но чужой рукой: донесение из Москвы. О нём писали коротко, сухо, как о чём-то, что уже решено и не подлежит обсуждению.

«Царевич Алексей Петрович пребывает в добром здравии...»

Пётр хмыкнул, и звук вышел горьким. «Пребывает в добром здравии» — будто речь шла о лошади или о сундуке, который не сгнил. А ведь это был его сын. Его кровь. И между ними уже давно пролегла трещина, а теперь она ширилась, как разлом в мёрзлой земле.

Он помнил Алексея совсем мальчишкой: тихий, пугливый, прижимающийся к матери, к её юбкам, когда Пётр врвался в покои, шумный, нетерпеливый, полный планов. Тогда Пётр думал: «Ничего, вырастет, станет твёрже». Но годы шли, а Алексей не становился твёрже. Он становился тише. И в этой тишине Пётр всё чаще слышал упрёк: «Ты строишь новый мир, а мне в нём нет места».

Дверь скрипнула. На пороге стоял Меншиков, в распахнутом кафтане, с лицом, усталым, но живым.

— Государь, — начал он осторожно, — пушкари просят указаний насчёт насыпи. Говорят, вода опять подступает...

Пётр махнул рукой, не оборачиваясь: — Потом. Скажи, чтобы ждали.

Меншиков шагнул ближе, глянул на письмо, но ничего не спросил. Он умел молчать, когда молчание было нужнее слов.

— Знаешь, Саша, — вдруг сказал Пётр, всё так же глядя в окно, — я всё думаю: ради чего мы тут бьёмся? Ради славы? Ради моря? Или ради того, чтобы после нас кто-то смог идти дальше?

Меншиков помолчал, подбирая слова.

— Ради будущего, государь. Ты сам так говоришь.

— А если это будущее не хочет меня слушать? — Пётр резко повернулся, и в глазах его мелькнуло что-то отчаянное. — Если тот, кто должен был бы взять это будущее в руки, смотрит на меня, как на чужака?

Теперь Меншиков понял, о чём речь. Он вздохнул, подошёл и встал рядом, тоже глядя на серый рассвет.

— Алексей молод. Он боится того, чего не понимает. А ты... ты слишком быстро бежишь. Он просто не успевает.

— Я не могу бежать медленнее, — глухо ответил Пётр. — Шведы не ждут. Море не ждёт. Россия не ждёт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.